

Анна LOBANOVA

Uniwersytet Pedagogiczny w Krzywym Rogu

Katedra Socjologii i Ekonomiki

## ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИМИКРИЯ КАК ПОГРАНИЧЬЕ МЕЖДУ ПРАВДОЙ И ЛОЖЬЮ

**Аннотация.** В статье обоснована идея о политике как искусстве маскировки, имитации, лицедейства. Доказано, что одним из способов поведения политических акторов является политическая мимикрия как пограничье между правдой и ложью и конструктивного, и деструктивного характера. Наличие политической мимикрии связывается с вопросом политической морали. Автор, основываясь на концепции социальной мимикрии, доказывает, что существуют структурные противоречия между кодами моральными и политическими, которые порождают конфликты между коммуникационными практиками политиков и функциональными постулатами демократии, которые они провозглашают.

## POLITYCZNA MIMIKRA JAKO POGRANICZE POMIĘDZY PRAWDĄ A KŁAMSTWEM

**Streszczenie.** W artykule przedstawiono ideę sfery polityki jako sztuki kamuflażu, imitacji. Udowadnia się, że jednym ze sposobów maskowania zachowania aktorów politycznych jest mimikra polityczna traktowana jako pogranicze pomiędzy prawdą a kłamstwem w sposób konstruktywny lub destruktywny. Ze względu na obecność mimikry w polityce aktualna staje się kwestia moralności polityków. Autor, opierając się na koncepcji społecznej mimikry, dowodzi, że w polityce istnieją różnice strukturalne między kodami moralnymi a politycznymi, które z kolei generują konflikt między komunikatywną praktyką polityków a funkcjonalnymi postulatami demokracji, jakie oni głoszą.

## Вступление

Во все времена сфера политики была и остаётся в современности одной из наиболее важных общественных подсистем, которая требовала повышенного внимания аналитиков, экспертов и всестороннего научного осмысления. Заметим, что и украин-

ские, и польские социологи не всегда спешат высказывать своё мнение относительно тех политических событий и процессов, которые разворачиваются на арене общественной жизни Украины, Польши и других европейских стран. Большинство из них скорее ожидает результатов социологических мониторингов или оценок политиков-экспертов, политологов, не реализуя при этом свою главную миссию – осуществление научно обоснованного анализа социального поведения политических акторов. Практика показывает, что в этом плане социологов очень часто опережают журналисты, которые не всегда объективно подходят к расстановке акцентов, а скорее выражают интересы тех или иных политических сил. А между тем среди политического истеблишмента многих европейских стран, и особенно Украины всё шире распространяется практика реализации политиками различных форм маскировки своих истинных целей и всё более ощутимые и визуально обозримые формы приобретают обман, имитации, лицедейство, то есть всё то, что мы называем политической мимикрией. Потому в современных условиях актуализируется потребность обоснования сущности политической мимикрии как особой формы реализации политических интересов, как границы между правдой и ложью.

Ставя перед собой *цель* выявить смысл, структуру и формы реализации политических масок, попытаемся найти ответы на следующие вопросы: почему сфера политики является наиболее привлекательной для маскировки? Что движет политиками при выборе той или иной социальной роли-маски? Каковы наиболее распространённые способы и формы реализации мира масок в сфере политики?

## 1. Политика как сфера искусства и хитрости

Как известно, в современной научной литературе нет однозначного толкования политики. Она рассматривается и как отношения согласия, подчинения, господства, конфликта и борьбы между различными социальными группами, и как политические явления (господство, власть, государство), и как организационная деятельность по управлению и поддержанию порядка, сохранения внутреннего и внешнего мира, и как искусство. Развёрнутую характеристику политики в своё время дал Макс Вебер в известной работе «Политика как призвание и профессия», отмечая, что это понятие имеет «чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по *руководству*» и означает «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь-то между государствами, будь-то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает» [1, с.644, 646]. «Политика – это попытки завоевать власть...», - так коротко и лаконично определяет сущность политики американский специалист в области практической психологии Дик Моррис в своей книге «Игры политиков» [2, с. 5].

В современных условиях, когда неограниченно развивается человеческий разум, изобретая всё новые и новые технологии управления и манипулирования людьми, сфера политики становится ареной искусно разыгрываемых спектаклей и шоу, главной целью которых является безграничное желание определённых лиц, групп, кланов завоевать власть и оказаться на вершине политического Олимпа. «Как искусство политика требует высочайшего мастерства и умения, - отмечает А.Безвербный, - это искусство продуманных шагов, мер, маневров, лавирования, компромиссов, уступок, отступлений. Это и хитрость, заигрывание, нажим» [3, с. 48].

Действительно, политика – это и искусство (смысловое содержание политических образов) и хитрость одновременно. Когда мы говорим о мастерстве, умении отдельных личностей осуществлять политическую деятельность, которые развиваются у них, благодаря знанию и чувствованию ожиданий общества (либо отдельных социальных групп), то имеем ввиду их творческую компоненту. В таком понимании политики четко прослеживается ценностный её смысл, она становится «предметом переживания и соответственно искусство (политики – А.Л.) считается выражением жизни человека» (М.Хайдеггер) [цит.: по. 4, с. 400].

Но когда политика рассматривается как *хитрость*, сноровка, ловкость, лицемерие и заигрывание политических акторов с массами для реализации личностных или групповых интересов, то, совершенно очевидно, что речь идёт о *мастерстве маскировки*.

## 2. Политическая мимикрия как мастерство маскировки

Мастерство маскировки в сфере политики, полагаем, основывается на *политической мимикрии* - (англ.mimicry – подражание, имитация) – таком способе жизнедеятельности политических акторов, когда они разрабатывают и внедряют в жизнь имитационные, маскировочные «хитрые» модели своего политического поведения, что даёт им возможность, мастерски маскируя свою настоящую ценностную систему, которая существенно отличается от общественных ожиданий и норм, достигать и удерживать желаемую властную иерархическую позицию в политическо-управленческой структуре общества. Политическая мимикрия является разновидностью социальной мимикрии, то есть такого «ситуативно модифицированного свойства человека, которое соединяет в единое целое хитрость разума (как родовое свойство человека) со спецификой его проявления в критических, сложных, опасных для человека условиях или в ситуациях, которые способствуют достижению ним успеха, преуспеяния [5, с. 79].

А поскольку основным регулятором мимикрического поведения являются одновременно две противоположные ценностно-нормативные системы: скрытая (нелегитимная) и «открытая» (легитимная), которую мимикриант стремится

реализовать в социуме, не разделяя её, то, естественно, возникает уверенность в том, что большинство политиков прибегают к политической мимикрии как средству (способу, явлению), позволяющему им балансировать между правдой и обманом, истиной и ложью, используя различные маскировочные инструменты.

Соответственно возникает вопрос о моральности мастеров *хитрой политики*, каковыми, по-нашему мнению, являются большинство политиков. В этой связи уместно обратиться к работе Н.Лумана «Честность политиков и высшая аморальность политики» [см. 6]. Пытаясь найти ответы на вопросы: обязаны ли политики быть честными, а политика - моральной, социолог, резюмируя ретроспекцию XVI-XVII вв. (именно в этот период, по его мнению, проблема честности в политике действительно была поставлена и дискутировалась всерьёз – причём фоном для дискуссии были те мнения, которые тогда связывали с именем Н.Макиавелли), считает, что в то время были открыты два парадокса: парадокс морального кода и парадокс коммуникации. Парадокс морального кода, по мнению Н.Лумана, означает, что «мораль иногда требует неморального поведения, чтобы не сделать себя самой невозможной. Парадокс коммуникации – это коммуникация о некомуникацируемом. Тщетные попытки справиться с обоими парадоксами привели к созданию чрезвычайно искусственных конструкций... А для социологической интерпретации этого результата напрашивается предположение, что речь идёт о семантической интерпретации (непонятого) переходного состояния. В этой ситуации общество ещё продолжали описывать согласно природе как гражданское объединение людей, а социальное действие – согласно морали, по схеме «хорошо/плохо», но феномены уже не соответствовали предпосылкам этой семантики – такие феномены, как книгопечатание, денежное хозяйство, территориальное государство» [6, с. 69-71]. Однако в современных условиях, считает Н.Луман, когда прослеживается сильная дифференцированность, собственная динамика и взаимонезависимость большого числа функциональных систем (политическая система, хозяйство, наука, право, воспитание, уход за больными, религия, семья) составляющих общественную систему, «мы можем видеть и должны признать, что ценности функциональных систем не суть моральные ценности... Двухзначное кодирование функциональных систем ни в коем случае нельзя совместить с моральным кодом «хорошо/плохо», а тем самым и вся самоорганизация этих функциональных систем выходит из-под морального контроля. Уход морали из этих сфер даже требуется и покрывается самой моралью. Наше сегодняшнее восприятие морали отвергло бы притязания правящей партии, вздумай она считать себя морально лучшей – лишь потому, что за ней в данный момент большинство» [6, с. 72]. Далее, анализируя политическую коммуникацию, учёный отмечает: «мы наблюдаем структурное нетождество морального кода и политического кода, противоречие между коммуникативной практикой политиков и функциональными постулатами демократии, которую они исповедуют. Нет никакой простой редукции политики к морали [6, с. 77]. То есть становится понятной мысль Н.Лумана о том, что в современных условиях политическая система не может быть контролируема при помощи моральных критериев, однако способна сама регулировать, в каких аспектах и в каких формах

мораль для неё становится релевантной. Сделанный социологом вывод не только объясняет причины мимикрии (маскировки) в сфере политики, но и в определенной степени оправдывает её, рассматривая как вполне ожидаемый и приемлемый способ адаптационного поведения или деятельности политических акторов.

Таким образом, совершенно очевидно, что сфера политики является весьма привлекательной для мастерства маскировки, прежде всего потому, что она даёт возможность завоёвывать и использовать власть одних над другими, при этом она не является контролируемой с точки зрения моральности, обладая саморегулятивными рычагами для выбора её критериев. А поскольку политические акторы (личности, группы) сами определяют формы и степень релевантности морали, то для них раскрываются широчайшие возможности выбора коммуникативных кодов

имитационного (маскировочного) характера: популистских лозунгов, псевдообещаний, квазимеморандумов и т.п. для завоевания симпатий у широких слоёв населения, поддержки электората.

Лонгитюдные социологические исследования социальной мимикрии свидетельствуют, что одной из наиболее распространённых её разновидностей является политическая мимикрия, то есть хитрая маскировка политиками своих истинных индивидуалистических или групповых намерений и интересов под ожидаемые общественные экспектации. В сфере политики наиболее широко распространена мимикрия-преуспевание (в научно обоснованной нами концепции социальной мимикрии [см.: 5], наряду с названной формой существуют также защитная мимикрия и социальный миметизм), к которой прибегают определённые личности, социальные группы, партии или родовые (олигархические) кланы с целью достижения, использования и удержания желаемой статусно-властной иерархической позиции в политическо-управленской структуре общества путём самых разнообразных маскировочных политических действий, идеологическая направленность которых не отражает действительные убеждения её акторов, а является их фикцией, камуфляжем, имитацией.

Акцентируем внимание на том, что политическая мимикрия может носить не только деструктивный и дисфункциональный, но и конструктивный и функциональный характер, что подтверждается нашими исследованиями. Жизненная практика свидетельствует о том, что политики очень часто прибегают к мимикрии, которая во многих ситуациях бывает оправданной как необходимый элемент дипломатических отношений (конструктивная мимикрия). «... *Как всегда, не забыв надеть маску демократа* (выд.: мною – А.Л.) перед встречей с кем-нибудь из западных коллег, Владимир Путин в Берлине на совместной конференции с немецким канцлером Герхардом Шрёдером был чрезвычайно политкорректным...», - так характеризуют журналисты постоянную политическую игру нынешнего Премьер-министра России [7, с. 2]. Подобная мимикрия, конечно же, носит функциональный характер, она не влечёт за собой разрушительных действий, наоборот, свидетельствует о признании

В.Путиным демократических стандартов европейцев, о его стремлении не только предстать демократом, но и, думаю, *быть* таковым.

Мимикрию-преуспевание скорее деструктивного толка проявлял, скажем, Ричард Никсон, который в предвыборной кампании 1968 года выступал то в облике умеренного республиканца, то в облике умеренного либерала, проявляя лицемерие при осуждении войны во Вьетнаме, на самом деле будучи её сторонником. Именно при помощи «хамелеоновских методов», как утверждает Д.Моррис, он победил в предвыборной гонке своего противника Х.Хамфри: «Попытки Никсона в преддверии 1968 года предстать перед публикой в облике умеренного либерала убедительно свидетельствуют о его личных способностях к мимикрии» [2, с. 207-208].

На мимикрию современных политиков обращает внимание и российский журналист В. Портников, который в одной из своих статей пишет: «На днях читал политический портрет Воислава Шешеля (крупный сербский националист – А.Л.), который был написан человеком, хорошо знающим этого политика на протяжении десятилетий. И в этом портрете тоже имеется образ: автор убеждён, что Шешель надсмехается каждый вечер над своим непонимающим электоратом, над тем, что его воспринимают серьёзно» [8].

Известный российский социолог Ж. Тощенко справедливо утверждает, что мимикрия представителей властных и бизнес-структур порождает мимикрию и в различных слоях общества: «Когда хозяевами жизни говорится одно, а в действительности осуществляется совершенно другое, ... человек вынужден приспособливаться и к этому, что подталкивает его к социальной мимикрии: его сознание просто не могло (да и теперь нередко не может) быть другим, как мнимым, деформированным» [9, с. 10].

Наши исследования подтверждают также тот факт, что характерной чертой общественного мнения электората является так называемый «мимикрический синдром», то есть склонность людей к утаиванию своих настоящих (действительных) политических симпатий во время предвыборных кампаний путём маскировки своей ценностно-нормативной системы под маской общепринятой или такой, которая доминирует в социальной среде избирателя, от которой зависит его материальное или социальное положение [см.: 10].

Мимикрия политиков порождает мимикрию других слоёв населения. Однако, подчеркнём, что, если со стороны политического истеблишмента ярко выражена мимикрия-преуспевание, поскольку его представители стремятся завоевать власть, добиться успеха, признания, то электорат вынужден маскировать свои взгляды в зависимости от внешних обстоятельств, чтобы сохранить своё профессиональное или социальное положение, то есть прибегать к защитной форме мимикрии.

Основными средствами реализации политической мимикрии являются социальная роль-маска и имитационная ролевая игра. *Социальная роль-маска* связывается с процессом имитации (разыгрыванием видимости подражания) и рассматривается как

совокупность обманных (маскировочных) действий, которые реализует мимикрирующий субъект для достижения желаемой статусной позиции в политической структуре общества. Реализуется социальная роль-маска при помощи имитационной ролевой игры, которая определяется нами как сознательная бутафорная политическая (социальная) деятельность (поведение) мимикрианта, который прибегает к ней под конкретно выбранной и реализуемой маской, то есть это не настоящая ролевая игра, а имитация ожидаемого социальным окружением поведения, которое связывается с реализацией разработанного мимикриантом жизненного спектакля.

Политическая жизнь в современной Украине после приобретения нею независимости наполнилась довольно разнообразными имитационными и мимикрическими практиками. Политические акторы, создавая видимость единения, в действительности пытались и пытаются решить узко клановые партийные или финансовые вопросы. Ярким примером деструктивной мимикрии были отношения, которые сложились в 2004-2010 гг. между Президентом В.Ющенко и Премьер-Министром Ю. Тимошенко, которые после «помаранчевых» событий провозглашали всенародно ожидаемые лозунги демократии и справедливости, а в действительности разжигали политические противоречия, дискредитируя идеалы Майдана. Кто из нынешних украинских политиков искренне надел маску примирения и согласия, а кто имитирует её – время покажет.

## Выводы

Таким образом, сфера политики является наиболее благоприятной средой для распространения политической мимикрии – такого способа жизнедеятельности политических акторов, когда они создают и постоянно реализуют хитрые имитационные и маскировочные практики для достижения личностных или групповых интересов. *Суть* этих практик состоит в том, что политики часто прибегают к маскировке своих истинных намерений и в результате этого они вынуждены реализовать такие их формы, смысловое содержание которых находится на *пограничье между правдой и ложью, между истиной и обманом, то есть они носят и полуправдивый, и одновременно полужеланный характер*. Выявить их реальное содержание и моральную акцентуацию не всегда представляется возможным, поскольку политики вырабатывают собственные моральные коды, которые обеспечивают их коммуникационные практики. Поэтому мимикрические практики могут носить и конструктивный, и деструктивный характер, могут способствовать эволюционному развитию общества, и дестабилизировать политическую ситуацию в нём.

Наличие мимикрических поведенческих практик позволяет политикам всё время балансировать между правдой, которую они утаивают, поскольку она не отвечает

общественным ожиданиям и ложью, которую они под маской правды пытаются обнародовать в обществе для завоевания симпатий и поддержки различных слоёв и социальных групп населения. Неслучайно во всех странах политики, особенно в периоды избирательных кампаний, прибегают к услугам политтехнологов, которые создают им вербальные (символические) маркеры и паттерны поведения для различных ситуаций, которые по своему ценностному содержанию не всегда релевантны ценностным системам самих политиков, но способствуют завоеванию симпатий их сторонников.

Политическая коммуникация, которую демонстрирует, к примеру, современный украинский истеблишмент в сложный для государства период, подтверждает мысль о том, что в сфере политики действительно существует структурное нетождество морального и политического кодов, противоречие между коммуникативной практикой политиков и функциональными постулатами демократии, которую они исповедуют. А для того, чтобы найти те моральные критерии, при помощи которых можно было бы контролировать политическую систему и выявить те аспекты и формы, в которых мораль для неё становится главной ценностью, социологам целесообразно провести включённые наблюдения, стать субъектами политического поведения. В этом видится перспективность дальнейших научных исследований в сфере социологии политики.

## Литература

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия / Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644-706.
2. Моррис Д. Игры политиков: Пер. с англ. Н.А. Анастасьевой. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. – 381 с.
3. Безвербный А.С. Политическая жизнь общества / Политическая социология. / Отв.ред. Сопов Г.П. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – С. 45-66.
4. Кукрак О.Н. Искусство / Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов и др. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – С. 398-400.
5. Лобанова А.С. Феномен соціальної мімікрії. – К.: Ін-т соціології НАНУ. – 2004. – 300 с.
6. Луман Н. Честность политиков и высшая аморальность политики // Вопросы социологии. – 1992. -Т.1. - № 1. – С. 69-77.
7. Дмитричева О., Мостова Ю., Рахманін С., Силіна Т. Як народжувалася казка і помер міф // Дзеркало тижня. – 2005. - № 35 (563). – 10 вересня. – С. 1-3.

8. Портников В. Январь. Жириновский. // Зеркало недели. – 2004. – №1 (476). – 10 апреля.
9. Тощенко Ж.Т. Метаморфозы современного общественного сознания: методологические основы социологического анализа // Социс. – 2001. - №6. – С. 3-15.
10. Лобанова А.С. Мімікрійний синдром громадської думки електорату//Грані. Науково-теорет. і гром.-політ. альманах. – 2004. - № 2 (34). – С. 92-97.

## Omówienie

Sfera polityki stanowi najbardziej sprzyjające środowisko dla rozpowszechnienia politycznej mimikry, to jest takiego sposobu aktywności życiowej politycznych aktorów, kiedy tworzą oni i w sposób permanentny realizują przebiegłe praktyki imitacyjne i kamuflażowe dla osiągnięcia interesów osobistych albo grupowych.

Istota tych praktyk polega na tym, że politycy często uciekają się do maskowania swoich rzeczywistych zamiarów, wskutek czego zmuszeni są realizować takie ich formy, treść których sytuuje się na granicy prawdy i fałszu, prawdy i oszustwa, czyli noszą one zarówno półprawdziwy, jak i półfałszywy charakter jednocześnie.

Ujawnienie ich realnej treści i moralnej konotacji nie zawsze wydaje się możliwe, ponieważ politycy wypracowują własne kody moralne, które zabezpieczają ich zabiegi komunikacyjne. Dlatego akty mimikry mogą nosić zarówno konstruktywny, jak i destruktywny charakter, mogą sprzyjać ewolucyjnemu rozwojowi społeczeństwa, a także destabilizować jego polityczną sytuację.

Obecność zachowań z zakresu mimikry pozwala politykom przez cały czas balansować między prawdą, którą ukrywają, ponieważ nie odpowiada ona społecznym oczekiwaniom, a fałszem, za pomocą którego starają się głosić w społeczeństwie tezy, opinie dla pozyskania sympatii i wsparcia różnych warstw i grup społecznych.

Nieprzypadkowo politycy we wszystkich krajach, zwłaszcza w okresach kampanii wyborczych, korzystają z usług technologów politycznych, którzy wypracowują im werbalne (symboliczne) markery i patterny zachowań w różnych sytuacjach i choć te ze względu na swoją treść aksjologiczną nie zawsze korespondują z systemem wartości samych polityków, ale są władne zdobyć sympatię ich stronników.

Polityczna komunikacja, którą na przykład demonstruje współczesny ukraiński establishment w tym skomplikowanym dla państwa okresie, potwierdza hipotezę, że w sferze polityki rzeczywiście istnieje strukturalna nietożsamość kodu moralnego i politycznego, sprzeczność między komunikatywną praktyką polityków i funkcjonalnymi postulatami demokracji, jaką wyznają.

Aby znaleźć te moralne kryteria, za pomocą których byłoby można kontrolować system polityczny i ujawnić te aspekty i formy, w których moralność staje się dla tego systemu główną wartością, celowe wydaje się przeprowadzenie przez socjologów obserwacji uczestniczącej.